

Колыбельная для мира

Елена Камбурова, актриса вне моды

Кудытура. - 1999. -
5-11 авг. - с. 12

Елена КАМБУРОВА вошла в мир музыки с песнями Новеллы Матвеевой, Булата Окуджавы, Юлия Кима. Шестидесятые годы были временем ее стремительного взлета. И сегодняшние молодые считают ее актрисой своего поколения. На сцене она то воинственно-сильная, то трогательно-беззащитная, то влюбленная, то нелепая, то смешная. Не случайно на вопрос — как определить жанр ее песни — она неуверенно ответила: «Может быть, исповедь?»...

Песня — существо хрупкое

— Елена Антоновна, как живет вам, «актрисе вне моды»?

— Я сложно воспринимаю сегодняшний день. Наше искусство, на мой взгляд, существует в полном отрицании эстафеты поколений. То, что раньше считалось профессионализмом, интеллигентностью, стилем, зачеркнуто массовой культурой и как бы не существует. С этой точки зрения — тревожно. Но если ощутить себя внутри общего времени (в историческом смысле), понимаешь, что все относительно. Конечно, грустно, что ты не можешь гарантировать влияние на аудиторию. Я понимаю, что во все времена существовали пошлость и непрофессионализм. Однако никогда это не было так глобально. И мне невольно приходится быть андерсеновским мальчиком, кричащим, что король гол.

— Вы как-то сказали, что ваше искусство для определенного круга людей, что оно не демократично, а элитарно. Думаю, вы не правы. Даже если зритель, впервые попавший на ваш концерт, не очень подготовлен, все равно магия голоса, музыка и хорошая поэзия помогут ему сразу понять вас.

— Все верно. Так получилось, что меня всегда воспринимали как камерную певицу. В принципе с моим репертуаром можно было бы выступать и в больших залах. Но песня — существо хрупкое, она имеет свое биополе и влияние на зрителя. И выживает в зале максимум на тысячу мест. Если в аудиторию из шестисот моих слушателей попадает один новый, он влияет в эту атмосферу. При выступлении на стадионах и огромных площадках очень трудно сохранять такой климат песни.

— Вы занимаете определенную нишу в нашей музыкальной культуре. Какова она?

— С одной стороны, это все, что звучало на советском радио в го-

ды моего детства и юности: русские песни, трио бандуристов, классика и эстрада 40 — 50-х годов. Позже — песни Новеллы Матвеевой, Булата Окуджавы, Юлия Кима. С другой стороны — французский шансон и польская песня, связанная с именами Евы Дымарчик и Зигмунда Конечного. Весь этот пласт культуры — та почва, на которой я выросла. Поначалу в моем репертуаре были случайные песни. Они ушли. Теперь — иначе. На время что-то откладываю, но все равно возвращаюсь к таким программам, как «Сказки об Италии» по Горькому, «Прощай, оружие» по Хемингуэю. Постоянно в репертуаре и даже занимают особое место «Балаганчик» по Блоку, «Да осенит тишина» — история России в песнях. Сейчас работаю над записью двух дисков — антологий по Новелле Матвеевой и Булату Окуджаве — для американцев. Они же издали диск «Дрема» — антологию колыбельных от Моцарта до Сергея Никитина.

Одиночество плодотворно

— Вы трудно расстаетесь с дорогими для вас людьми, друзьями, любимыми? Или, как у Бориса Пастернака: «И манит страсть к разрывам...»?

— Конечно, я привязываюсь. Но одиночество часто очень плодотворно. Для людей, которые находятся на определенной стадии развития. Очень высокой. Ступенькой ниже — одиночество прерывистое, пунктирное — между бытом и суетой. Многим людям оно просто противопоказано, потому что трудно с ним справиться. Иногда мне все мешает. У меня были периоды в жизни, когда казалось, что все хорошо, а все равно как-то сила тянула уйти в сторону и быть одной.

— Вы часто возвращаетесь в детство?

— Я оттуда не уходила. И в этом моя радость и печаль. Многие свои песни я пою так же, как пела



двадцать лет назад. В тембре моего голоса остался и мой детский... Артисты театра намного моложе меня. Находясь с ними постоянно рядом, нередко хочу, чтобы рухнули стены времени, разница в возрасте между нами. Они относятся ко мне с уважением, даже с почтением. Но я ловлю себя на мысли, что почти по-детски обихаживаю на них. Ну что они меня все время зовут Елена Антоновна?! Хотя бы раз кто-нибудь назвал по имени! Возраст людей зависит от окружения. И все же мне кажется, что раньше я была более взрослой, чем теперь.

«Деточка, как хорошо, что вы не фифа»

— Вы не из актерской семьи, что же повлияло на ваше решение посвятить себя сцене?

— Во мне, сколько себя помню, было постоянное ощущение, что

сцена — моя жизнь. Однако по своей робости и представить не могла возможность поступления в театральное учебное заведение. После школы уехала из Хмельницкого в Киев учиться в Институте легкой промышленности. Надо же было куда-то поступать... В Киеве познакомилась со студентами актерского факультета. Они посоветовали мне показаться профессору театрального института Михаилу Верхадскому. Он прослушал мои отрывки, сказал, что я характерная и темпераментная актриса. Это придало мне уверенность, и я решила попробовать в Щукинском училище. Восьмого марта (тогда это был рабочий день) прямоком с вокзала я отправилась на Арбат. Причем в дороге я простудилась и, последовав совету одного из попутчиков, для быстрого выздоровления глотнула в лечебных целях водки с перцем. Так, с оцепившим голосом, в состоянии легкого опья-



нения я предстала перед ректором училища Борисом Захавой. Он меня прослушал и, как ни странно, сказал, что способности есть, и размашисто написал на листке бумаги: «Допускается на второй тур». Это было счастье! До экзаменов оставалось еще несколько месяцев. Однако в Москве у меня ни знакомых, ни жилья. Я ночевала на стройках. Без денег и без сил дотянула до вступительных экзаменов. Только на третьем туре мне объяснили, что у меня «несовпадение внешних и внутренних данных», и в училище не приняли. Родилось твердое решение — домой не возвращаться, и получилось, как у Буратино: шла в школу, а попала в театр. Оставшись в Москве, начала искать какую-нибудь театральную студию. По справочной «09» получила телефон лучшей в Москве самостоятельной студии — студии чтеца, где, кстати, занимался Александр Калягин. Меня поразило здесь все: интерьер с мраморными стенами и колоннами, удивительная творческая атмосфера и педагог, бывшая актриса МХАТа Нина Адамовна. Однако приближалось лето, и вновь возникла мысль: попробовать в училище. Поступила... только не в театральное, а в цирковое.

— Какое-то невезение.

— Да нет. Все из-за моей неуверенности в себе. Я очень нерешительный человек. В этом корень моих неудач.

— Фаина Раневская как-то сказала, что у вас такой же недостаток, как и у нее: вы скромный человек. Вы дружили с этой великой актрисой?

— В цирковом училище на экзамене по мастерству я читала рассказ Горького «Нунча» из «Сказок об Италии». В зале были журналисты радиостанции «Юность», предложившие записать рассказ на радио. Случайно услышала его Фаина Георгиевна и обратилась в редакцию с просьбой рассказать, что это за актриса, которая ее так поразила. В письме было много хороших слов в мой адрес, и, когда мне дали прочитать его, я решила, что это розыгрыш. Через несколько лет один мой знакомый собрался к Раневской в гости, я уговорила его взять меня с собой. Открывшая нам дверь Фаина Георгиевна сердито воскликнула: «Я вас не ждала. Почему вы приехали без звонка?» Знакомый прошел в квартиру, и я бочком протиснулась за ним. Раневская, увидев меня, резко бросила: «Что такая?» И тут я, робея, вымолвила: «Вы мне писали. Вы мне действительно писали?». Фаина Георгиевна как-то сразу потеплела и сказала: «Деточка, хорошо, что вы не фифа». В этот вечер на прощание она произнесла: «Я вас благословляю... А дружить мы с ней начали гораздо позже. Ста-

удивительный результат, но этому не суждено было сбыться.

— Многие актеры и режиссеры мечтали сделать с вами спектакли и концертные программы. Почему эти планы остались не реализованными?

— Вся моя жизнь — это не до конца разгорающийся огонь интереса ко мне. Когда-то на Таганке мы с иллюзионистами Айдой Черновой и Юрием Медведевым убедили Юрия Любимова осуществить наш проект. Мы показали наброски своей работы, Любимов заинтересовался, но потом как-то все сошло на нет. Ролан Быков в свое время хотел сделать спектакль-мюзикл по поэме Беллы Ахмадулиной «Сказка о дожде». Не состоялось. Анатолий Эфрос предлагал совместную работу. Она задумывалась как сплав пантомимы и песни. И это тоже не осуществилось...

— Какое-то невезение.

— Да нет. Все из-за моей неуверенности в себе. Я очень нерешительный человек. В этом корень моих неудач.

— Фаина Раневская как-то сказала, что у вас такой же недостаток, как и у нее: вы скромный человек. Вы дружили с этой великой актрисой?

— В цирковом училище на экзамене по мастерству я читала рассказ Горького «Нунча» из «Сказок об Италии». В зале были журналисты радиостанции «Юность», предложившие записать рассказ на радио. Случайно услышала его Фаина Георгиевна и обратилась в редакцию с просьбой рассказать, что это за актриса, которая ее так поразила. В письме было много хороших слов в мой адрес, и, когда мне дали прочитать его, я решила, что это розыгрыш. Через несколько лет один мой знакомый собрался к Раневской в гости, я уговорила его взять меня с собой. Открывшая нам дверь Фаина Георгиевна сердито воскликнула: «Я вас не ждала. Почему вы приехали без звонка?» Знакомый прошел в квартиру, и я бочком протиснулась за ним. Раневская, увидев меня, резко бросила: «Что такая?» И тут я, робея, вымолвила: «Вы мне писали. Вы мне действительно писали?». Фаина Георгиевна как-то сразу потеплела и сказала: «Деточка, хорошо, что вы не фифа». В этот вечер на прощание она произнесла: «Я вас благословляю... А дружить мы с ней начали гораздо позже. Ста-

ти, несколько месяцев назад я вернулась из Израиля, где проходили Дни Раневской. Выступала там вместе с Мариной Нееловой и Виталием Вульфом.

— Расскажите о Театре музыки и поэзии, которым вы руководите. У него, наконец, появилась своя крыша?

— Пока театр достраивается, мы арендуем помещения. Понимаете, деньги выделяются небольшие, ведь мы бюджетная организация. Нас финансирует Комитет по культуре, поэтому все движется очень медленно. Сейчас я как раз занимаюсь этим. Выступаю в роли человека, который должен стучаться в кабинеты, ходить, доказывать, просить. Ведь в труппе театра много молодых талантливых ребят. У них еще нет имени. Одни пришли из авторской песни, с другими познакомилась на конкурсе актерской песни, третьи возникли просто из жизни.

— Каков репертуар вашего театра?

— Мюзиклы, спектакли, чтецкие программы. Кстати, я всех чтецов считаю своими братьями. Музыка — продолжение слова. Еще мне хочется дать приют хорошим музыкантам. Принцип нашего театра похож на парижскую «Олимпию». Пусть будут сольные вечера, пусть песня будет представлена в разных жанрах. Право на существование имеет все, кроме пошлости. Наша новая программа подготовлена к 70-летию моего любимого Жака Бреля — «Жак Брель. Посвящение».

Премьера состоялась. Музыкальный спектакль имел успех. А недавно в Доме медика с сольной программой «Партитура моего пульса» выступила Инна Тудакова. Было воскресенье, но зал был полон. Многих привлекло имя Камбуровой: на афишах значилось, что Театр музыки и поэзии Елены Камбуровой представляет молодую актрису, открывающую новое направление в музыке конца второго тысячелетия — «шансон-рок». Еще раз убедился, слушая Инну, что все, что делает Камбурова — сама ли выходит на сцену, представляет ли других артистов, — профессионально и прекрасно! Конечно, кое-чему молодым артистам еще нужно научиться, но что они, как и Театр Камбуровой состоятся, сомнений нет.

Беседу вел
Никита ПЕТУХОВ